

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

Н.А. РУДИКОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: rudi-nati@yandex.ru

N.A. RUDIKOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: rudi-nati@yandex.ru

**ПАРИЖСКИЙ ТЕКСТ В ЗАМЕТКАХ И ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
КОНЦА 1830-Х гг. (И.Г. ГОЛОВИН, Н.И. ГРЕЧ, М.П. ПОГОДИН, В.М. СТРОЕВ)**

**PARIS TEXT IN TRAVEL NOTES AND LETTERS OF RUSSIAN TRAVELERS OF LATE 1830s
(I.G. GOLOVIN, N.I. GRECH, M.P. POGODIN, V.M. STROEV)**

Статья посвящена особенностям парижского текста в путевых заметках (И.Г. Головин, Н.И. Греч, М.П. Погодин, В.М. Строев) конца 1830–х гг. Травелогии демонстрируют столкновение непосредственных впечатлений путешественников с существующими представлениями о французской столице. Авторами создается целостный парижский текст, однако ввиду своих общественно-политических позиций они дискредитируют статус Парижа как мировой столицы.

Ключевые слова: Париж, городской текст, травелоги конца 1830-х гг., русско-французские отношения XIX в.

The article describes the particularities of Paris text in travel notes (I.G. Golovin, N.I. Grech, M.P. Pogodin, V.M. Stroeve) of late 1830s. Travelogues demonstrate the conflict of immediate impressions of the travelers with the traditional vision of the French capital. The authors create a cohesive Paris text, but discredit the status of Paris as the capital of the world because of their social and political positions.

Keywords: Paris, city text, travelogues of late 1830s, Russian-French relations of the 19th century.

В последние десятилетия внимание ученых гуманитарных направлений и в частности литературоведения сосредоточилось на изучении литературного урбанизма. В данном контексте возникает такое понятие, как «городской текст», теоретизированное в работах Ю.М. Лотмана [3], В.Н. Топорова [9], Н.Е. Меднис [4] и др. Город предстает как много- и разноуровневая система текстов и кодов, характеризующаяся гибкостью, целостностью и полифункциональностью. Структурообразующими элементами городского текста служат пространство, время, топонимика, элементы архитектуры, природно-климатическая сфера и соционика.

Культурная ситуация в России XIX в. с постоянным и сложным переплетением «своего» и «чужого» способствовала возникновению в русской литературе сложного полилога о Париже, в котором участвовали выдающиеся прозаики и поэты России, литераторы «второго» ряда, критики, журналисты и путешественники. Парижский текст складывался в русской словесности благодаря авторскому видению французской столицы русскими писателями, а также в связи со спецификой различных творческих методов и особенностями социально-исторической реальности.

В данной статье будут проанализированы наиболее репрезентативные травелоги конца 1830-х гг., в кото-

рых представлен целостный парижский текст, сложный по своей структуре и многоуровневый по содержанию. Комплексный анализ путевых заметок И.Г. Головина, Н.И. Греча, М.П. Погодина и В.М. Строева позволит дополнить представления о парижском метатексте русской литературы XIX в.

И.Г. Головин (1816–1890) в «Заметках путешественника» (1838) [1] представляет противоречивый образ французской столицы. Путешественник обладал несколько неопределенной идейной позицией, чему способствовал его статус эмигранта. Головину были чужды какие-либо убеждения и привязанности: ни в России, ни во Франции он не был своим [5]. Так и в «Заметках путешественника» его мнение меняется от резкого неприятия до восхищения французскими достижениями. Он рассуждает о развращении парижских нравов, истоки которого видит в Великой французской революции. Революционеры названы путешественником «извергами человеческого рода», а Наполеон – спасителем Франции, к которому Головин испытывает глубочайшее уважение.

Противоречивое мнение у путешественника складывается и по поводу французского образования, политической жизни и театрального искусства. Однако, несмотря на отмеченную им безнравственность парижан, Головин признает величие Франции и призывает

Россию соединить в себе преимущества французской и немецкой нации: «У нас немало вкуса и любви к блеску и живости французской деятельности; зайдем же у немцев основательность их мысли и глубину их чувства. Тогда-то наш собственный источник, полагаемый мною богатым, раскроет затаенные в нем, самобытные сокровища» [1].

Более ясной идейной позиции придерживался издатель «Москвитянина» М.П. Погодин (1800–1875). Он попытался выразить в своем путевом очерке «Год в чужих краях» (1839) [6] идеи официальной народности. Погодин находился в Париже накануне революционных событий и отмечал мятежность как неотъемлемую черту парижской жизни: «Париж без революции – картина без красок» [6]. Путешественник негативно отзывался о политическом устройстве Франции, обнаруживая недостатки в Палате Пэров и Палате Депутатов. Погодин даже своим внешним обликом пытается дистанцироваться от всего французского: намеренно просит портного сшить ему платье «не по моде». Среди негативных черт парижского характера им отмечены корыстолюбие, разврат, необразованность и черствость народа, который привык к кровавым зрелищам. Вместе с тем Погодин находит в разных областях французской жизни и положительные моменты, которых не наблюдал у себя на родине. Как историк, он обращает внимание на то, что во Франции чтут исторических деятелей, возводят им памятники, что весь народ интересуется историей своей страны. Но, принимая отдельные элементы французской жизни и пропагандируя их применение в России, путешественник считает неприемлемым для русской жизни французский буржуазный путь развития.

Представитель официального охранительно-консервативного лагеря Н.И. Греч (1787–1867) в своих «Письмах из Англии, Германии и Франции» (1839) [2] затрагивал социально-политические вопросы, так как они представляли особый интерес как для него самого, так и для русских читателей. Обращение к этим вопросам несло скрытую ориентацию на Россию и составляло политический подтекст записок. Так, Греч в зависимости от конкретной направленности царской международной политики характеризовал ту или иную страну: он подчеркнуто уважительно относится к Англии и резко негативно к Франции. Уже въезжая в Париж, он расставляет свои приоритеты: «Особенно не должно приезжать во Францию из богатой, роскошной и опрятной Англии! Какая разница!» [2]. Греч с раздражением говорит о перевороте в сознании народа, который произошел во Франции после Июльской революции 1830 г. Он показывает необыкновенную напряженность общественной атмосферы французской столицы конца 1830-х гг., которая связана с тем, что люди, потеряв более высокие идеалы, преследуют единственную цель – обогащение. Греч критикует многие стороны парижской жизни: французскую парламентскую систему, парижские театры, французское образование, литературу, свободу печати, которая, по его мнению, «повергнет Францию в новую пучину зол» [2] и парижский народ, враждебный

всякой власти и стремящийся только к наслаждениям.

Еще одна точка зрения на французскую столицу прослеживается в книге «Париж в 1838 и 1839 годах» (вышла в 1842 г.) [8] журналиста В.М. Строева (1812–1862), в которой представлена всеобъемлющая картина французской столицы. Путевые записки пишутся в некотором систематическом порядке. Каждая глава посвящена отдельной стороне французской жизни. Некоторые главы, преимущественно «Панорама Парижа» и «Статистика Парижа», написаны в духе путеводителей, где дается справочная информация о французской столице. Вместе с тем Строев создает серию физиологических очерков, например главы «Образ жизни и характер парижан» или «Летние и зимние увеселения», в которых присутствует описание внешних сторон парижской жизни.

В книге соседствуют как субъективный подход к изображаемой действительности, так и попытка объективного анализа. В первой главе доминирует субъективное восприятие парижской жизни, но затем он занимает позицию объективного наблюдателя, старается найти исторические корни парижского характера и анализирует причины появления его новых черт. Строев рисует типичный характер парижанина, которому присущи: веселость, общительность, любопытство, пристрастие к моде, распушенность нравов. Новые проявления в характере французов Строев связывает с развитием буржуазных отношений: «Это непомерное честолюбие ведет за собою другое ужасное зло, чрезвычайную жажду золота» [8]. Формирование этих граней парижского характера явились результатом Июльской революции, когда на первый план вышли люди без каких-либо достоинств. Вместе с тем путешественник, стремясь дать многостороннюю и объективную характеристику, положительно оценивает некоторые черты парижской жизни, например в сфере бытовых услуг: удобное устройство городской почты, преимущества наемных квартир, выгода абонента на журналы, удачная организация городского транспорта. Писатель соотносит их с петербургским образом жизни и намекает на необходимые заимствования.

Чем дальше городской уклад французской столицы отходил от законов нравственных, тем чаще писатели сравнивали ее с Вавилоном, городом-блудницей. «Новым Вавилоном» Париж называют Греч и Погодин. Мотив библейского столпотворения связан и с монолитностью вечно спешащей толпы, которая изображена в путевых записках. Мятежный дух парижан отразился и на стиле их жизни, для которого характерна театрализация. Вся жизнь парижан подчинена театральным законам: они стремятся к показному, играют какую-то роль, а столичное пространство является декорацией, где разворачиваются их жизненные спектакли. В путешествиях конца 1830-х гг. эта черта парижан в первую очередь представляется как следствие революционных настроений во Франции. Так, Головин подчеркивает: «Париж – обширный, никогда не умолкающий, шумный театр» [1]. Греч считает, что театрализация жизни

характерна не только для столицы, но и для всей страны в целом: «Франция есть страна демократическая по превосходству: в ней театры составляют часть житейского быта; она и сама есть театр всенародных игрищ то смешных, то кровавых» [2]. Строев находит, что манера парижан превращать все в своей жизни в театр является следствием легкомысленности и черствости парижского характера. Это, по его мнению, вызвано бесконечными беспорядками в столице, притупившими у парижан чувство страха. Они закрывают глаза на существующие проблемы в своей стране и переводят их в шутку или представление. Жители Парижа превратили в театр даже серьезные политические учреждения: так они ходят в палату депутатов, чтобы полюбоваться своими любимыми политическими актерами, или в суд, где можно увидеть и трагедию, и комедию.

Можно сделать вывод, что в путевых заметках конца 1830-х гг. основной мыслью является падение парижских нравов. Путешественники, близкие по идейной направленности славянофилам, отмечают негативные последствия революций для общества в целом, делая вывод, что мятежный Париж не может быть эталоном для развития России.

Чтобы подчеркнуть повсеместное негативное влияние революций, путешественники обращаются и к такому аспекту структуры городского текста, как геодезия и климат, хотя этой сфере уделяется гораздо меньшее внимание по сравнению с другими. Так, в дорожном дневнике Погодина природа в Париже также предстает своеобразным оазисом, дающим почву для размышлений и время для развития личности и духовных качеств человека: «Сельские виды, поля, луга и рощи, – доставили мне наслаждение после каменных улиц Ришелье, Монмартр, Вивьен, на которые глаза уже устали смотреть» [6]. Ему вторит Головин, представляя природу как «спасительный круг» в парижской жизни: «Сад растений (jardin des plantes), Пер-Лашез, Пантеон – единственные убежища от шума, пыли и грязи Парижской» [1].

Путешественники также замечают, что в связи с революциями в Париже природа постепенно истребляется. Функциональная заданность подобных пейзажей очевидна: она свидетельствует о нарушении гармонии в человеческом мире и о негативных последствиях парижских волнений. Так, Погодин в своих записках рисует картины срубленных деревьев во время революционных баррикад. Он с сожалением вспоминает, что когда-то здесь были высокие липы и каштаны. Эти деревья, как известно, являются символами заботы, мудрости и доброжелательности. Изображение их сломленными демонстрирует исчезновение этих качеств у парижан, для которых в списке жизненных ценностей на первом месте стоят деньги. В связи с этим Строев отмечает, что садов в Париже немного, так как парижане предпочитают строить дома, чтобы получать с них капитал.

Следствием неприятного дождливого климата в Париже является грязь, которую можно воспринимать как в буквальном, так и переносном смысле. В путевых

заметках конца 1830-х гг. она символизирует неопрятность горожан и не только в физическом смысле, но и в духовном. О грязных улицах упоминают Греч и Строев. Интересно в этом смысле замечание Греча о нечистоте в Париже. Он возмущен и, сравнивая Париж с Россией, переходит к восхвалению родного отечества: «Ройтесь, сударики, ройтесь в грязи! Прошло то счастливое время, когда вам можно было, пробравшись к нам, на Русь, заняться воспитанием юношества, и блаженствуя в степных наших губерниях, вздыхать по Парижу, и ругать добрую, святую Россию!» [2]. Так, у Греча чистота нравственная связывается с чистотой улиц. Строев вторит ему и говорит о невероятной неопрятности парижан, которые превратили свои улицы в помойные ямы. С грязью у него ассоциируется и река Сена, которая пересекает пространство Парижа. Река является основой жизни и артерией города. Строев с восхищением пишет о своей «пышной, быстрой, широкой и серебряной Неве», которая весьма контрастирует с парижской Сенной, вода которой «мутна, нечиста, желтовата, как будто смешана с нечистотой».

Немаловажное место в описании французской столицы занимает изображение хронотопа Парижа, а именно его временных и пространственных характеристик. Путешественники подчеркивают разомкнутую, обращенную в бесконечную даль огромность Парижа во всех городских пейзажах, которые точнее было бы назвать панорамами. Они, как правило, изображаются сверху, с высокой точки ландшафта и позволяют создать общее впечатление от пространства французской столицы. В книге Строева дается полная панорама Парижа с описанием городского движения, плана города, смещения богатства и бедности, чистоты и неопрятности, древности и современности. Вместе с тем он вводит оппозицию «столица – провинция», где первая предстает как шумный город в вечном движении, а вторая – спокойным и тихим местом: «Обернувшись в противную сторону, видишь зеленые луга, обширные поля, без людей, без жизни, без движения. Париж поглотил окрестности» [8]. Греч также писал о беспредельности парижского пространства, которая, по его мнению, обладает негативными коннотациями. Он подчеркивает, что в этой огромной столице теряется интерес к отдельной личности: «я ходил один, как чуждая волна, посреди бездонных хлябей Океана» [2].

Однако вместе с тем в путевых записках отмечается и замкнутость парижского пространства. Горизонтальная организация столицы представляет густую сеть запутанных улиц, извилистых и узких, сборище тесно стоящих домов, что создает неясность облика города. Тем самым подтверждается статус Парижа как противоречивого города. Яркий образ рисует Строев: «Город неправилен, некрасив и нечист, как все старинные города, построенные мало по малу, без определенного плана. Улицы извиваются змеєю; нет трех улиц прямых и правильных. Они очень узки <...> Дома высокие, но кажутся старыми и ветхими» [8].

Для парижского текста, созданного travelогоми

конца 1830-х гг., характерно разграничение пространственных образов на периферийные и центральные. С начала своего существования город стремился упорядочить свою внутреннюю структуру, ориентируясь на центрическую модель мира. Центр имел сакральное значение, не случайно в центре каждого города находился храм. Таким центром Парижа, вокруг которого организуется вся жизнь города, Строевым назван Собор парижской богородицы, «исполин, которому нестрашно время, неопасны бури, незнакомы перемены и требования нашего века» [8]. Вместе с тем путешественник подчеркивает, что другие церкви Парижа не пользуются уважением у современных парижан, которых не интересуют высокие материи. Многих путешественников волнует судьба храма Св. Женевиевы, из которого сделали Пантеон. В путевых письмах Головина, Погодина и Строева представлена история храма Св. Женевиевы, которая неразрывно связана с революционными переворотами во Франции, превратившими его, по словам Погодина, в «какой-то храм, посвященный великим людям Франции».

Если говорить о материально-культурной сфере, отраженной в путевых записках о Париже в целом, можно сделать вывод, что архитектурные образы, включенные в целостный парижский текст, делятся на образы «Парижа прошлого» и «Парижа настоящего». Среди издавна известных топов называются Лувр, Тюильри, Люксембург, Пале-Рояль, Елисейские поля, Фонтенбло, Версаль и многие другие достопримечательности. Вместе с тем упоминаются и современные сооружения. Так, Греч в своих путевых письмах отмечает парижскую тенденцию к обновлению: «Наружность Парижа все еще та: многолюдство, движение, шум, нечистота, вонь; но некоторые части получили новый, гораздо лучший вид <...>» и т.д. [2]. Наличие в парижском пространстве «Парижа прошлого» и «Парижа настоящего» подтверждает и цитата из дорожного дневника Погодина о постоянной смене названий улиц: «Было бы два города Парижа, два брата и друга, представляющие прошлое и настоящее. Иначе нарушается гармония частей. Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые, но не станем вырывать старые» [6]. Путешественники с сожалением констатируют, что революции изменили облик и характер того или иного здания. «Современный Париж» резко контрастирует с «Парижем старинным». Например, Греч, рассказывая о Версальском дворце, отмечает пагубное воздействие революций: «Станным случаем, революционеры, разрушая все в Версали, не коснулись театра. <...> Произведения искусств и богатые мебели были частью распроданы, частью расхищены» [2].

Вместе с тем в путешествиях Строева и Погодина присутствуют отсылки к достопримечательным местам России и, прежде всего, Петербурга. Сравнение Парижа и Петербурга осуществляется в рамках уже сложившейся концепции родства двух столиц. У Погодина встречаем нейтральное упоминание о том, что бульвары Парижа можно сравнить с Невским проспектом в Петербурге.

Строев же, проводя параллели между архитектурой и памятниками Парижа и Петербурга, отдает предпочтение последнему. Так, он сопоставляет купол Инвалидного дома и шпиль Адмиралтейства, Тюильрийский и Летний сады, Итальянский бульвар и Невский проспект, набережную около Тюильри и Английскую набережную в Петербурге, памятники Петру I и Людовику XIV, намекая на то, что французская столица подражает русской. Для него, путешественника XIX в., Париж оказывается обжитым, наполненным знаками русской культуры пространством, которое в то же время остается для него чужим.

Путешествия конца 1830-х гг., своеобразные путеводители по достопримечательным местам Парижа, включают в себя подробное описание внешнего облика и внутреннего убранства многих архитектурных сооружений, историю их создания, упоминания об известных личностях (прежде всего, о Наполеоне) и о событиях, связанных с ними. Предполагая множество планов восприятия, город в их изображении часто несет в себе и антропологическую доминанту. Париж можно представить как человека, который имеет свою судьбу во вполне реальном историческом времени. Так, Строев изображает Париж как некий живой организм, приписывая ему человеческие характеристики, например, «Париж так вырос, что они <ворота> у него на груди» [8] или «бульвары опоясывают Париж» [8]. Париж неоднозначен: каждый его сантиметр наполнен историей, литературными аллюзиями и воспоминаниями. Происходит наслоение времен и культурных парадигм.

В характеристике парижского времени путешественники также стремятся к объективности: их интересует как историческое, так и субъективное время, т.е. вновь возникает антиномия: «Париж старинный и Париж современный». Историческое время выражается в упоминании исторических событий и реально существовавших личностей, в основном политических фигур. Субъективное же время представлено в ощущении парижского времени. Таким образом, возникает новая временная характеристика. Так, Погодин отмечает, что «в Париже надо жить по-Парижски, и слушаться минуты» [6]. Для путешественников эта проблема быстротечности времени во французской столице стоит особенно остро, о чем говорит Строев в своих путевых записках. Если в других городах люди не знают, как потратить свое время, то в Париже его катастрофически не хватает, поскольку парижская жизнь очень стремительна и предоставляет миллион возможностей. Как отмечает Строев, «в Париже нет часов, дней и месяцев; вся жизнь – один день веселый, разнообразный, пролетающий скоро, не отягчающий своим присутствием» [8].

Таким образом, жанр путевых заметок в конце 1830-х гг. стал так называемым «прожектором», который позволил «высветить» и обосновать общественно-политические позиции многих литераторов и в том числе взглянуть по-новому на уже всем известный Париж. Для путешественников конца 1830-х гг. интерес представляют не историко-культурные достопримечательности,

чательности французской столицы, а ее общественная жизнь. Доминантной во всех путевых заметках является констатация перемены в парижских нравах и в общем облике города в связи с Июльской революцией. Несмотря на попытку создать впечатление объективности, путешественники конца 1830-х гг., преимуще-

ственно близкие славянофилам, критически относятся к Парижу и всему французскому и отвергают «парижский путь» для дальнейшего развития России. Критическое отношение к Франции и Парижу в 1830-е гг. будет присутствовать и в русской периодике [7].

Библиографический список

1. Головин И.Г. Заметки путешественника. // Сын Отечества. 1838. Т.6. С. 97-126 .
2. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч.1-3. СПб., 1839. Ч.1. 254 с.; Ч. 2. 288 с.
3. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПб, 2002. 768 с.
4. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>.
5. Орехов В.В. Русская литература и национальный имидж. Симферополь: АнтикВА, 2006. 608 с.
6. Погодин М.П. Год в чужих краях. М., 1844. Ч.3. 228 с.
7. Рудикова Н.А. «Парижский текст» в русских периодических изданиях 1830-1860-х гг. // Текст. Книга. Книгоиздание (Научно-практический журнал), 2013. № 1(3). С. 5-17.
8. Строев В.М. Париж в 1838 и 1839 гг. Ч.1-2. СПб., 1842. Ч. 1. 224 с.; Ч.2. 215 с.
9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.

References

1. Golovin I.G. Traveler's notes // The Son of Homeland. 1838. V.6.Pp. 97-126 .
 2. Grech N.I. Travel letters from England, Germany and France. Part 1-3. St. Petersburg, 1839. Part.1. 254 p.; Part. 2. 288 p.
 3. Lotman Y.M. History and typology of Russian culture. St. Petersburg: "Iskusstvo-SPb", 2002. 768 p.
 4. Mednis N.E. Supertexts in Russian literature. Novosibirsk, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>.
 5. Orekhov V.V. Russian literature and national image. Simferopol: Antiqua, 2006. 608 p.
 6. Pogodin M.P. One year in foreign lands. Moscow, 1844. Part 3. 228 p.
 7. Rudikova N.A. "Paris text" in Russian periodicals of 1830-1860s // Text. Book. Book publishing (Scientific and practical journal), 2013. № 1 (3). Novosibirsk, 2003. Pp. 5-17.
 8. Stroyev V.M. Paris in 1838 and 1839. Part 1-2. St. Petersburg, 1842. Part 1. 224 p.; Part.2. 215 p.
 9. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in mythepic. Moscow : Progress, 1995. 624 p.
-